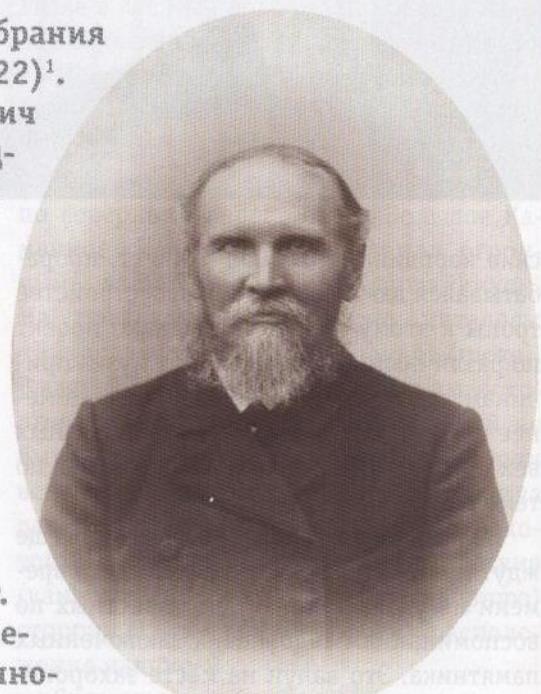

ОСНОВАТЕЛЬ Каргопольского музея

Ирина Онучина

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей

Каргопольский музей начался с частного собрания Капитона Григорьевича Колпакова (1845–1922)¹. Кроме имен родителей: отец Григорий Андреевич и мать Евдокия Николаевна и еще крестного, родного брата Федора², сведений о семье Колпакова мы не имеем. Скорее всего семья ко времени рождения сына Капитона проживала в городе, хотя отец и значился крестьянином деревни Иевлевской (Златоустовское общество), расположенной в непосредственной близости от города. Мы не знаем, учился ли Капитон какое-то время в школе или получил скромное домашнее образование, не исключено, что он овладел грамотой, будучи взрослым, в армии. Последователь Колпакова, заведующий музеем с 1922 г. П.М. Покровский, характеризует Колпакова как человека почти безграмотного, хотя очень симпатично-го и достойного уважения³. Бумаги, написанные рукой Колпакова, отличаются крупным неровным почерком малограмматного.

К. Г. Колпаков – антиквар, собиратель и основатель музея в Каргополе. Фото начала XX в.

К.Г. Колпаков был взят на военную службу еще по рекрутскому набору. В 1871–1874 гг. служил он в Санкт-Петербурге в Семеновском Александровском военном госпитале лейб-гвардии Семеновского полка в чине унтер-офицера⁴. Поскольку призывным возрастом в Олонецкой губернии, куда входил Каргополь, было 22 года, то в год принятия военной реформы (1874) его срочная служба должна была завершиться. Уволившись в запас (по реформе для сухо-

путных войск этот период длился 9 лет), он оставался в столице и, вероятно, продолжал служить уже по найму, что было обычным для унтер-офицера. В аттестате, подписанном капитаном И.И. Едреновым 1 июля 1882 г., запасному унтер-офицеру К.Г. Колпакову, служившему в течение года артельщиком у капитана, отмечается точность при исполнении поручений и примерное поведение, которым он заслужил полную благодарность и одобрение начальства⁵.

С сентября 1885 г. отставной унтер-офицер Колпаков торгует по свидетельству 2-й гильдии. В мае того же года он приобретает место на улице Ивановской в Каргополе, строит там двухэтажный дом и открывает торговую лавку. Его недвижимое имущество оценивается в одну тысячу рублей⁶. Торговал он смешанными товарами, а также дичью, пером, грибами, холстами, антиквариатом. В торговых делах помогала ему жена Александра Федоровна. Судя по товарообороту (в 1906 г. 5000 рублей)⁷, лавочка была их небольшой, каких в Каргополе была половина. Но все же дела шли неплохо. Хозяин приобретает участок земли в другой части города (1897)⁸.

В Каргополе Колпаков –уважаемый человек. По социальному статусу он принадлежит к мещанскому сословию, но в некоторых бумагах его иногда именуют отставным унтер-офицером или купцом. Он – член городского Общественного собрания. Избирается в число гласных Каргопольской городской думы, входит в Учетный комитет при Каргопольском банке (1904)⁹. Он был дружен с семейством соседа, купца Носова. Среди его друзей почтовый чиновник Е.А. Николаевский.

Неизвестно, откуда у Колпакова пошло увлечение стариной, но сам он точно сообщает, что собирать антиквариат начал с 1877 г.¹⁰, то есть в петербургский период. Безусловно, этому способствовало само пребывание в столице, пусть даже на военной службе, могло повлиять и его тогдашнее окружение. В столице был интерес к старине: русским сарафанам, кокошникам, вышивке и прочим старинным вещам. Дела многих каргопольских купцов были связаны со столицей. Возможно, Колпаков начинал торговые дела не один. «Мелкий торговец, агент крупных скупщиков экспонатов для столичных музеев, но любящий и чутьем понимающий красоту "старины" /.../»¹¹, Капитон Григорьевич взялся поставлять в столичные музеи северные старинные вещи. В музеях Петербурга (Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей) мы и сейчас можем увидеть отдельные предметы и целые коллекции. Этнографический отдел Русского музея неоднократно делал ему заказы: можно предположить, что Колпаков был одним из корреспондентов сети Д.А. Кле-

менца. Этнографическим отделом у Колпакова было приобретено 376 предметов в составе 11 коллекций за 1903–1914 гг.¹². В основном, это женский костюм, головные уборы, полотенца, подзоры, кресты и другое. Собирал он их не только в разных уездах Олонецкой губернии, но и в Вологодской, Архангельской. Лучшие вещи «из интереса» он все же сохранял для себя. Со временем настолько увлекся идеей создания собственного музея, что чисто коммерческим делам стал уделять мало времени и всецело отдался собиранию и хранению предметов старины. Так сложилось у него собственное собрание. В 1918 г. было в нем 589 предметов 50 наименований¹³. И было среди них немало редкостей.

В 1919 г. Капитон Григорьевич за неделю до своего 74-летия обратился с письменным заявлением к городским властям: «Желая принести посильную пользу в деле просвещения народа, предлагаю Отделу народного образования принять в свое ведение все предметы старины и искусства, собранные мною в течение многих лет и хранящиеся в моем доме /.../»¹⁴. Предметы передавал он на определенных условиях: все собрание предметов старины и искусства в полную собственность Отдела народного образования поступало только после смерти дарителя. До этого, в случае крайней необходимости, владелец мог продать что-либо из своих вещей, но только Отделу образования. Договор между дарителем и Отделом народного образования был подписан, что глубоко символично, 15 марта в день рождения собирателя Колпакова, а 27 марта документ был засвидетельствован Отделом записей актов гражданского состояния при Каргопольском отделе управления¹⁵. Последняя дата и принята как день рождения музея, который назывался вначале историко-художественным. Это событие в жизни города прошло незамеченным: в местной газете не появилось ни объявления, ни заметки. Колпаков продолжал заниматься тем же, чем и ранее: собирать предметы старины. Только теперь он считался смотрителем музея (в последних документах назывался заведующим) и получал оклад в 450 рублей в месяц¹⁶.

Музей располагался в двух комнатах деревянного двухэтажного дома коллекционера по улице Ивановской. На содержание

музея он вырядил плату 60 рублей в месяц, а все хлопоты взял на себя. По словам П.М. Покровского, на музей его комнатки были мало похожи: «Это была скорее богатая, красивая антикварная лавочка»¹⁷. По свидетельству дочери купца Носова в музее было множество самоваров, кокошников, фарфора и других вещей, и Капитон Григорьевич всегда с удовольствием показывал свои новые приобретения. А вот взгляд профессионала из губернского Вологодского музея. «Городу Каргополю принадлежит честь иметь ценный музей старины, являющийся по своим экспонатам одним из лучших во всей Вологодской губ. Музей /.../ в научном отношении заброшен всеми /.../. Все ценные предметы свалены в 2-х маленьких комнатах /.../. Никакой классификации предметов не ведется. Заведывающий [так в тексте. – И.О.] музеем Колпаков, /.../ пожертвовавший городу все собранное, поставлен в тяжелые условия жизни». Далее корреспондент перечисляет те меры, которые необходимо предпринять для защиты собрания, но если все останется по-прежнему, то Губнаробраз возьмет музей в Вологду [с 1918 по 1929 гг. Каргопольский уезд входил в Вологодскую губернию. – И.О.]¹⁸. Ценность собрания впоследствии не раз отмечали профессионалы. Музей Колпакова и впрямь был мало похож на таковой. Для широкой публики музей открылся в 1923 г., когда был переведен в Крестовоздвиженскую церковь.

Свой дар городу К.Г. Колпаков принес в самый пик революционных преобразований в уезде. Идет безжалостная экспроприация у бывших владельцев: у них отбирают жилье, имущество, национализируют предприятия. В дом К.Г. Колпакова тоже поселили каких-то людей. Возникают проблемы с продовольствием. Ситуация осложняется приблизившимся к границам уезда фронтом. Одним из постановлений Исполнительного комитета, которым принято решение отобрать хлеб у торговцев, называется фамилия Колпакова. По своим политическим взглядам Капитона Григорьевича никак нельзя посчитать революционером, как это представлено в довольно занимательном повествовании врача Соловецкого лагеря, где Колпаков, кстати, показан как предельно честный человек¹⁹.

Политические убеждения Колпакова были диаметрально противоположны. В свое время он входил в Союз русского народа²⁰, правохристианскую организацию монархистского толка. Новую власть он естественно воспринял настороженно. Как и многие, пытался склонить имеющийся у него капитал. Газета «Каргопольская коммуна» весьма желчно писала о найденных в печке у торговца Колпакова 23 тысячах рублей «"николаевских" денег, завернутых в тряпку и вложенных в баночку. А ведь он жаловался, что денег нет у него, он уже, что мог, заплатил /.../»²¹. Публикация появилась в те дни, когда шла процедура оформления создаваемого музея. Все же Капитон Григорьевич пытался засвидетельствовать свою лояльность к новой власти. Он был среди немногих торговцев и чиновников, внесших пожертвования на вновь созданную советскую газету «Каргопольский колокол»²².

В октябре 1918 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров, которым предписывалось владельцам собраний и отдельных предметов старины и искусства дать сведения в местные органы власти о принадлежащих им памятниках. В противном случае владельцы могли подвергнуться конфискации имущества и лишения свободы. Контроль за исполнение декрета возлагался на местные органы власти. Действительно, в 1918 г. в июле Колпаков своей рукой составил такой список.

Закономерен вопрос: дарение Колпаковым личного собрания было добровольной жертвой или вынужденной мерой? Несмотря на всю сложность ситуации, факты убеждают в добровольности и осознанности поступка, в духе христианской добродетели. «За» говорят даже чисто практические соображения. Колпакову было за 70. Прямых наследников у него не было. Он был вдов, ближайшим родственником был племянник, был у него также воспитанник. Колпакову, как и любому на его месте, было бы жаль, если его детище, собрание старины, впоследствии распылили наследники. Создание музея – оптимальный вариант решения проблемы. О том, что Колпаков руководствовался благородными мотивами, косвенно указывает тот факт, что первый шаг он сделал накануне дня рождения. В том, что на Колпакова не было давления со

стороны властей, убеждают такие факты. Выставленные Колпаковым условия были приняты и, более того, Отдел народного образования счел «приятным для себя долгом выразить /.../ глубочайшую благодарность за /.../ просвещенное содействие в деле народного образования»²³.

После смерти основателя музея была составлена полная опись собрания, куда было внесено уже более 1,5 тысяч предметов, то есть за три года с момента создания музея коллекции выросли более чем в два раза. В собирательстве у К.Г. Колпакова не было особых пристрастий: он собирал старины в целом. И все же в его первоначальной коллекции более половины памятников можно отнести к этнографическим. Колпаков скомплектовал отдельные предметы из упраздненных дореволюционных учреждений: полицейского управления, городской думы (царские портреты, должностные знаки членов городской думы). Однажды в музей из Чрезвычайной комиссии прислали 5 старинных охотничьих ружей и 16 пистолетов, конфискованных у граждан²⁴. Капитоном Григорьевичем была сделана попытка выявления предметов музейного значения, находящихся в городских и некоторых сельских церквях и монастырях, хотя списки эти очень неполные.

До нашего времени его собрание дошло не целиком, о чем остается только сожалеть. Были исключены женские украшения, в том числе несколько пар жемчужных сережек. Утрачены девичьи головные уборы XVIII в. – подчелки. Списаны серебряные и медные кресты, складки и другие вещи. Предметы из собрания Колпакова и сейчас остаются наиболее интересными в художественном отношении. В его коллекциях редкие образцы народной росписи, кованые сундуки XVII в. Среди самоваров наиболее интересны по своей форме те, которые собрал Колпаков. Гордостью музеиного собрания является коллекция вышивки, большей частью сформированная основателем музея. Уникальны ранние образцы: ширинка с изображением женской фигуры и всадников по краям, женские оплечья, датируемые не позже, чем начало XIX в. Богатству коллекции каргопольского женского костюма мы тоже обязаны К.Г. Колпакову. Каргопольские кокошники представлены во всем разнообразии, есть

Кокошник
каргопольский
XIX в. из собрания
К.Г. Колпакова

кокошники-повойники из соседнего Пудожского уезда (ныне Республика Карелия), есть свадебные головные уборы – коруны. Ранние предметы женского костюма представлены душегреями, суконным косоклининым сарафаном. К редким памятникам относятся деревянные резные иконы, четырехконечные кресты с изображением Голгофского креста. Уникальным является берестяной брачный венец с живописью, привезенный с Выга.

Появление музея в Каргополе – явление не случайное. Каргополь, один из ярких и самобытных центров культуры Русского Севера, и поныне хранит множество памятников материальной и духовной культуры.

¹ Родился он 3 марта, а 4 марта был крещен в церкви Каргополя Рождества Иоанна Предтечи

² ГААО. Ф. 29. Оп. 13. Д. 63. Л. 4.

³ ГААО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.

⁴ ГААО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ ГААО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁶ ГААО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 4. Л. 3-3 об.; Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1893. № 58.

⁷ КГИАХМ. КП. 10446. Книга торговых и промышленных предприятий на 1907 год.

⁸ ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1106.

⁹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. Петрозаводск, 1904. С. 38, 172.

¹⁰ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

¹¹ ГААО. Ф. 5350. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

¹² КГИАХМ. Научный архив. Письмо из РЭМ от 11.05.1993.

¹³ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

¹⁴ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.

¹⁵ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 82-82 об. 84.

¹⁶ ГААО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 3.

¹⁷ ГААО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

¹⁸ Вниманию Унаробраза // Вольный пахарь. Каргополь, 1920, 10 декабря.

¹⁹ А. Мартыненко. Клады ГУЛАГа. Записки лагерного врача. Москва, 2007.

²⁰ Полный список членов Каргопольского отдела «Союза Русского народа» // Каргопольский колокол. Каргополь, 1918. № 3. Февраль.

²¹ Наши купчики // Каргопольская коммуна. Каргополь, 1919. № 7-8. Март.

²² Поступили пожертвования на газету // Каргопольский колокол. Каргополь, 1918. № 3. Февраль.

²³ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 78-78 об.

²⁴ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.